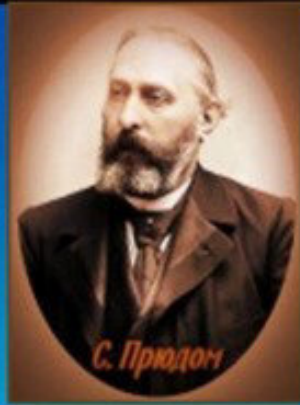

18+

У. Б. Йейтс

том
четвертый

С. Прюдом

Мировая поэзия

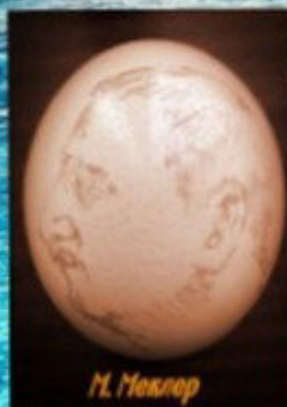
поэтика

П. Герге

П. Неруда

М. Меклер

Д. Джойс

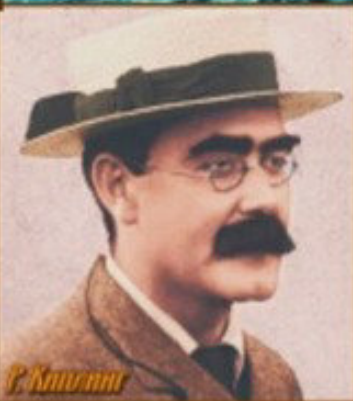

У. Оден

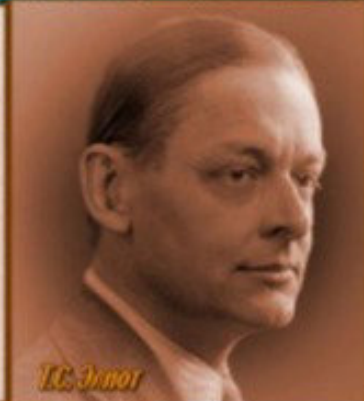
Михаил Меклер

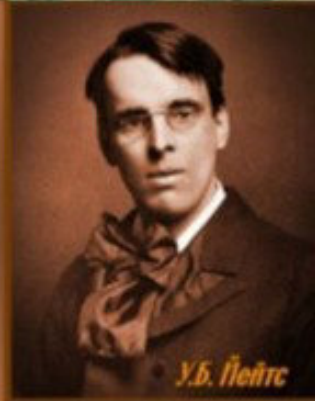
Р. Гильке

Р. Киплинг

Т. С. Элиот

У. Б. Йейтс

Михаил Меклер

Мировая поэзия. Том четвёртый

«Издательские решения»

Меклер М.

Мировая поэзия. Том четвёртый / М. Меклер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608860-3

Когда меткие молнии будней добивают вас каждый день как только всё меньше разумных совершать вам поступков лень, вдохновение плевком радужным упадёт на землю, и вы начинаете верить послушно в недоступность своей мечты. Наступают печальные годы вы зубами цепляетесь в жизнь. Ваши хищные ветви злобыв дом поэзии когтями впились. Время стирает, продлевает и лечит от вашей гнильцы, неправды и склок. Написанное кровью останется вечным. Выживет то, что впитается в кровь.

ISBN 978-5-00-608860-3

© Меклер М.
© Издательские решения

Содержание

«На празднике жизни»	6
1 часть.	6
2 часть.	9
3 часть.	16
4 часть.	22
5 часть.	30
6 часть.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мировая поэзия. Том четвёртый

Михаил Меклер

© Михаил Меклер, 2023

ISBN 978-5-0060-8860-3 (т. 4)

ISBN 978-5-0059-5722-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«На празднике жизни» (Роман в стихах)

1 часть.

«На пост советском пространстве»

Мы родились в прошлом веке
не по воле Господа Бога.
В инкубаторе, где не думали о человеке,
как продолжателе российского рода.
Мы учились в советской школе,
нас шеренгами принимали в пионеры,
мозги нам вправляли в комсомоле,
наш образ жизни превратили в химеры.

Мы учились, учились, учились.
В перерывах нас опять учили.
Затем мы всю жизнь трудились
и к старости надрывали свои жилы.
Мы пели песни о нашей жизни,
нас всегда водили строем,
чтобы все любили отчизну,
она граждан обнимала запоем.

Что осталось от прошлой державы?
Русский, великий язык,
незабвенные русские нравы
и во всём добродушный мужик.
И это всё в центре нищеты,
– как парадокс внутри богатства,
результат поголовной бедноты —
на земле российского рабства.
Всюду царила коррупционная власть,
привязанная к мировой абстракции.
Основная цель жизни – деньги красть
и печатать новые ассигнации.
Деньги плодились, как тараканы,
заполняя собой всё пространство,
а текли они к богатым в карманы,
вопреки законам дедушки Маркса.

Деньги – это отношения меж людьми,
для каждого есть цена его поступка,
как-только взял купюры займы,
время оценит твои предрассудки.

Кто-то за десять, другие за сто —
готовы предать свою честь и совесть,
за миллион ты уже – инкогнито.
Деньги убивают всё, остаётся корысть.

Коммунизм канул, как безденежный пиар.
Настоящего нет без движения счетов.
Человечество похоже на больной кошмар,
издающий треск денег, как гул проводов.
Над столицей, над Москвой
воздвигли олигархи град.
Он разносит сити-вой
и забавляет променад.

Москва на его фоне
сжалась до границ забора,
как во флаконе,
вокруг кремлёвского светофора.
Под зелёный цвет вперёд
двигается утопический капитализм,
он ведёт себя как сумасброд,
оставляя неуёмный цинизм.
Государство в нём главный пастух —
на пастбище коррумпированного капитала,
кто не пасётся, тот жуёт лопух
и ожидает своего провала.
Вот такая с государством игра —
в бизнес-рулетку.
Одним дают от жилетки рукава,
другим от поноса таблетку.

Сто лет говорили, что Россия богатая страна,
такие взгляды превратились в фобию,
у нас всего хватает, но не всем сполна,
россияне видят жизнь из-под надгробия.
О сильном государстве мечтают первые лица,
используя мозговой фарш чужих мнений.
Чиновники и бизнесмены реализуют амбиции,
о народе думать им не хватает времени.

«Лишь бы не было войны»,
в народе твердили, как девиз.
Беспощадно сворованы недра страны,
– на это нет уже просто реприз.
Мы копошимся на своей площадке,
отведённой для мифотворчества.
Мечтаем вырастить чудо на грядке,
как в сказке народного творчества.

Бедность стала привычным состоянием
большинства существующих в долг.
Нищету определяет приём подаяния
и неприемлемость проживания впрок.
Существование в завтрашнем дне,
определяет мера наёмного рабства.
Способность продать свой труд вполне
объединяет неимущих в условное братство.

2 часть. «Путь к вере»

Я шёл, сутулясь под тяжестью лет,
прошлая жизнь дышала мне в след,
которую оставил мой отец по сему,
перед уходом в предсмертную тьму.
Он так и не принял Всевышнего веру,
принимая её за простую химеру.
Не дочитал он Ветхий Завет,
но очень хотел увидеть Тот Свет.

Поступь была по-стариковски тверда,
запомнил я образ его навсегда
и душу открыл перед сводами храма,
во мне происходила сознания драма.
Я не с рождения почувствовал крест,
полвека носил атеизма протест
и когда окунулся в святую купель,
я увидел грядущую свою колыбель.

Мой путь осветился и расширялся,
старым грехам совсем не гнушался
и время понеслось по нему без звука,
я понял, что вера есть добрая мука.
Когда один лежишь в огромной спальне,
с бессонницей, закрывшись на замок,
понимаешь, что может быть печальней,
чем безысходность, когда ты одинок.

В часы ночные, предметы тяжелее
и мыслей скрежет глотает тишина,
подушки, покрывала кажутся белее
и пустота зеркал отражена.
Шла осень за окном, суровое дыхание,
был в комнате томительный покой,
тянуло в край любви разочарований,
наедине с написанной строкой.

Душно, ни ревность, ни старость,
не удаляли эту опухоль ночи,
где-то в душе шевелился нарост,
выпрямляя судьбы позвоночник.
Во внешности спящей – Я чей-то сторож.
Молчание, как пауза, мыслей занятие,
считывала предсказание сна. О, Боже —
стихами, пульсом, часами, закланием.

Тени людей, как призраки ходят —
жизнь города совсем без надежд,
в небе бронхит ошалевший воем,
настигая несчастных, одиноких невеж.
Духовный разлом в мозгах свирепеет,
молодежь без идеи тоскует с пьяна,
интеллигенция вырождаясь, тупеет,
а будущего даль безнадежно черна.

Что будет? Если соберутся бродяги,
а мелочи не хватит, чтобы пожрать
и снова баррикады, оковы, «ГУЛАГи»,
власти не имущие начнут воевать.
Россия Родина моя бескрайная,
ты похожа на сумасшедший дом,
у человека судьба печальная,
обреченность его — есть синдром.

Вселенная теряет звёзды, как мелочь,
люди торжествуют в войнах и цирках.
Поэты молчат, не понимая слова «вечность»,
а чудаки в цирках танцуют на опилках.
Действует сила народного волнения,
как песня дикая, как красное вино —
это революция, пустое наваждение,
бессмысленно прошедшая давно.
Да, есть камни, чтобы строить и ваять,
будут жертвы, чтобы помнить и молчать,
есть патроны — значит будут стрелять
и в отчаянии за конституцию кричать.
Мы напряжения в молчании не выносим,
в стихийном лабиринте иноземный бес.
Мы снисхождения гуманитарных просим
и положительных эмоций ждем с небес.

Подлинно во мне печаль живет,
душа висит над страхом пустоты.
Поэзия от бездны не спасет,
за все в ответе лишь кресты.
Лети душа над колокольной ввысь,
пусть вечность на каменных часах,
показывает будущему мысль,
начертанной кириллицей в стихах.

Вот и настал мой черед живой,
чувствую крыльев размах иной,
мысли сами летят стрелой,
в строфы рифмой, одна за другой.

Мой маятник души и глух и строг,
в висках стучит запретный рок.
Я открыл в себе лазоревый грот
и не жду, когда смерть придет.

Исчерпав свой путь, я развернусь
и ответить за написанное не боюсь.
Из-за морей в страну родную вернусь,
зайду в Храм и до земли поклонюсь.
Утроба есть памятник кровоточению,
страшной болью закрученная труба,
лаз из неведанного, да в провидение,
начало судьбы, всей жизни раба.
Бежал, пораженный хохотом грешника,
по лабиринту судьбы без остановок,
похожий на клоуна, злого насмешника,
измученный от недомолвок и рокировок.
Запутался в блёклых сетях невезения,
отмечен за вольность свою небесами,
внезапно оглашенный за откровения,
окропил я золотом мечту с куполами.

Затем стремился в разгоряченном раже,
пробиваясь через жестокие реальности,
пролетал косые кошмары и ужасы даже,
пережил все тюремные шалости.
Себя загонял, спешил до последнего,
с одышкой сигал прямо в пропасть,
где осталась идеология мышления,
да забытая, галдящая молодость.

Любил за баварской кружечкой пива,
читать бредни и горечь писания,
ждать реакцию оппонентов терпеливо,
чтобы повергнуть себя в истязания.
Жизни поход из тайги и песка —
в ликах и жестах навеки остался.
Страстью избыточной освистал,
жажду не утолил, но до всего добрался.

День каждый раз кончался на дворе,
первая звезда на небе появлялась.
Закат, как кровь, висел на топоре,
отражаясь в небе, солнце любовалось.
Дом был закрыт. Ворота на замок
и земля по совести остыла.
При свечах горящих библейский слог,
сам себе я бормотал уныло.
Облака закрыли луч звезды

и вода в реке студеная чернела.
Чище смерть, чем муки от беды —
а земля правдивей и страшнее.
Догорали свечи и во мгле,
тишина настигла внутренние своды,
продолжал молиться я во тьме,
за свет и благодушие природы.

Рассвет пошёл, уже светало,
петух горланил во все горло,
жизнь продолжалась, как бы с начала —
Образ веры действовал покорно.
Господи, Всевышний! Помоги!
Народу русскому расправить плечи.
Пусть на Родине всегда цветут сады
и никогда не гаснут в Храме свечи.

Дай в каждый дом насущного вполне,
достаток провианта и разного вина,
сознания каждому в заботе о семье,
чтоб все богаты были, как Родина.
Постиг я тишину Его безмолвия,
под шорох тлеющих свечей,
без грома в небе засияла молния,
как знак божественных лучей.

Верные, четкие мысли,
дает окружения взор,
оттенков, цветов не исчислить
и слов бесконечный простор.
Невзирая на катаклизмы, невзгоды,
надо Богу благодарность воздать,
за созданный механизм природы,
и деяний Его благодать.
Будто в небо земля одета,
прикрыла от космоса плоть,
гуляет по орбите планета,
как ей повелел Господь.
Неизбежен прилив славословий
и не видно всей жизни конца,
человек с божественной кровью,
наполняет словами сердца.

Храм похож на ковчег огромный,
пролетает в пучине веков,
его парус духом природным,
всем ветрам подчиниться готов.
Поэт не ждет сокровенного знака —
за стихи на подвиг готов.

Он ищет таинственность брака —
себя в сочетании слов.

Уверен, мечты слагаются из мыслей,
что мы во снах придумали в уме,
любовь всегда от чувств зависит,
порой находим их в грядущем сне.
Вдруг в нашу жизнь, ворвется ветер
и оторвёт нас от прикованной земли,
тогда уже не нужен лишний метр,
мы в Рай взлетим по краткому пути.

Так ринемся из будничных томлений,
по зову духа и ветхого словца,
в край, где нас ждут забвения
и башни высятся заочного дворца.
Там за туманным облаком над небом,
на бесконечных просторах пустоты,
уже не нужно жить насущным хлебом
и быть зависимым от сущности воды.
Я не пойду сквозь облако тумана,
хочу бродить свободным и ненужным,
по рощам и лесам, где есть поляна,
где зайцы воду пьют из лужи.
Пусть происходит моей жизни танец
и трудных дней не беспокоит рана!
Да, я адепт – христианский скиталец
и не стану образом за тем туманом.

О, время, завистью не трогай,
прошедших лет, последних дат,
ещё пройти придется много,
через каскад невидимых преград.
А сколько раз ещё придется,
внимать из Храма в гулкой пустоте,
взирая на мозаику оконца,
животворящее влияние в кресте.

Испить бы мне монашескую нежность
и злобу выгнать полностью из сердца,
тогда любви преграды безнадежность,
я растворил бы без щепотки перца.
Мне нравится смотреть
на облик всех Святых
и словом рисовать портрет,
с их статуй восковых.

Я думаю, не призрак плоти
нас заставляет молиться и мечтать,

а наше тело, обличенное в лохмотья
и вера в Отца Бога, а не в Мать.
В древнем Яффо я вновь очутился,
лучи солнца глаза обжигали,
уже туман над морем стелился
и первые звезды на небе мигали.
В дали виднелись пустынные скалы,
повсюду звучали молитвы, молитвы.
Восток начинается здесь у причала,
с заостренными пиками битвы.
Тут пересеклись оси веков и религий,
в написании Библии, Торы, Корана.
Пусть будут едины священные книги,
суть иудаизма, христианства, ислама!

Стоят мечети живые,
с бесчисленным множеством лиц
и ветер дует с пустыни,
там окна, как щели бойниц.
Меня не касается трепет,
моих иудейских забот,
а православный лепет
покоя душе не дает.

И там, где сцепились Окультные,
а ребенок молчание хранит,
мир человечества в люльке,
под Господом Богом не спит.
Мы бродим по дорогам пространства,
с сознанием своих величин
и мнимость чудес постоянства,
воспринимаем без всяких причин.

Вот наш, заветный учебник,
листаю один, без людей,
между мной и Богом посредник —
источник бесконечных идей.
Память прожитого – проза,
нераскрытое окно,
из её метафор доза,
в строфы лезет, как ярмо.
Я люблю стиха начало,
как предвестник грозных дел,
но после чтения Зачала,
стихи писать я не хотел.
Рождение для каждого вход,
а смерть конечно выход!
Жизнь островок в океане вод,
вход охраняют, но не выход.

Всё, что теряет человек при смерти —
это часть того дня, когда умрёшь,
только с верой при отпевании в церкви,
бессмертие свое поймёшь.
Каждый когда-нибудь хотел,
остаться там, где вёрст предел
и нескончаемый поток живущих тел,
идут туда, где Бога сын Воскрес и улетел.

Храм поглотил Его, как дикий лес
и только на тело случайным лучом,
взгляд не людской из-за небес,
наблюдал за Иисусом, как он обречен.
И было поведано телу сему,
прежде чем приняла Сына Господня,
о том, что увидит он смертную тьму,
но не увидит Его преисподняя.

Настал тот день и Христос Воскрес,
под сводами Храма, как Райская птица,
по велению Бога и просьбе небес,
был в силах взлететь, но бессилен спуститься.

3 часть. «Признание в любви»

Любовь есть дар судьбы, смиряет гордецов.
Она прощает всё, не налагая вето
на несовместимость душ и грубое словцо,
любимой красота простит её за это.
Мой поклон тебе за всё, что было,
на колени встану за то, что будет.
Уверен я: ты мой облик не забыла
и время нас с тобою не рассудит.

Я был удивлён нашей первой встречей,
с мечтами я встретился лишь на второй.
Вот и настал тот долгожданный вечер,
когда мы снова встретились с тобой.
Ты отреченно была обнажена,
нам стало некогда грустить,
моей любовью ты была поражена
и не смогла меня уже ты отпустить.

И было ясно, что не нужны слова
на чистой белизне страниц
и лучше убежать на острова,
где нет угрюмых, скучных лиц.
Я весь воспоминаниями измучен,
смутной песней затравленных струн.
С твоим образом стал неразлучен,
им исцеляюсь, как старый колдун.

Твои мысли были значительно выше
помысла автора этих строчек.
Ты озаряла купе, мы стали ближе
на площади меньшей, чем покрывает почерк.
Пространство заполнилось смыслом любви,
мир состоял из наготы и морщин,
как вера приходит от постоянной мольбы,
так сильная любовь поглощает мужчин.

Наш поезд летел на Ригу, словно ветер.
Ты, как в айсберг была вмёрзшее пианино.
В этих широтах окна глядят на север
и ты долгожданным оргазмом стала ранима.
Ты расплетала меня, как платок,
сладострастно наслаждаясь любовью.
Я прессовал тебя, как каток,
мы чувствам своим дали волю раздолья.

На крыльях любви взлетели с перрона.
Скорлупа куполов и позвоночники колоколен —
узкие улочки на фоне природного лона.
Твой вирус вошёл в меня, я понял, что болен.
От лица фото легче послать домой,
чем срисовать Ангела в профиль с неба.
Знать бы, что кривая может стать прямой,
когда соединяются в любви твоё и моё тело.

Ты была соткана из нежных строк,
поэтом, музой окрыленным,
я склоняюсь у твоих ног
и остаюсь всегда влюбленным.
Теперь на склоне ярких лет,
ты зацвела ещё прекрасней,
в твоей судьбе часов браслет,
отсчитывает время счастья.

Есть у тебя незримая черта,
к её нежности и страсти,
влечёт заветная тропа,
к твоей верности и власти.
Вот наш совместный танец душ,
он в радость жизни и законам.
Оркестра я прошу исполнить туш,
во славу неизменности канонов!
Разлуке не справиться с любовью!
Терпение заставляет так любить,
что слёзы перемешиваясь с кровью,
нас заставляют жить и жить.
Когда привыкшая к тебе ладонь,
по позвоночнику спешит скользя,
до пятой точки с нежностью огонь,
вдруг разжигает заново тебя

и тела дрожь, сжимает губы, ноги,
что невозможно это сверить с тем,
как стон души из глубины выходит,
оргазм струится из любовных вен.
Затем уставший, сонный взгляд,
простит меня за все мытарства,
а тикающий жизни циферблат,
замкнёт любовное пространство.

Как только наступает темнота,
я вспоминаю нежность твоих глаз.
Какая же разлучница верста,
в пространстве разделила нас?

Из цифр слагаются слова,
которые всегда летят к тебе.
Я двигаюсь к тебе из точки А,
ты остаёшься где-то в точке Б.

Два одиночества с огнем свечи,
одновременно движутся во тьме,
на долго разлучённые в ночи,
рассчитывают встретиться в уме.
Мой голос громче шелеста страниц,
я, как журавль одинокий в облаках,
ты держишь в руках своих синиц,
мы вместе остаёмся лишь в стихах.
Вдруг скрипнет дверь и дрогнут провода,
а в телефоне зуммер, лишь одни гудки.
Мы счастье обретём теперь и навсегда
и будет всё равно, чьи дребезжат звонки.
По буквам и слогам возьми мои слова,
переступи черту прошедших мимо лет,
пусть тесно облакам и трогает молва,
иди из темноты на долгожданный свет.

Мой исход и веточка вербная,
как тебе это всё объяснить,
что настала поступь последняя
и в ней нам приходится жить.
Может и в правду звенит тишина?
Может быть песня наша навзрыд?
Значит, так сложилась наша судьба
и нам путь неизвестный открыт!

В нём звучит русский слог,
а чувства становятся светлей,
когда дрожит между строк,
радость жизни твоей и моей.
То, что спрятано в них,
видно прямо, насквозь
и не отыщешь в иных,
вход в бессмертие врозь.

Не смотри в потолок,
вдруг устанут глаза,
метафоричен урок —
его чернила слеза.
Мысли холодной зимы,
вспоминай на ходу,
их на память возьми,
отключи глухоту.
Сейчас поговори со мной!

Что-нибудь тебе отвечу?
Трудно быть одной,
я этому не перечу!
Долго нет рядом меня,
вянет красная роза,
затягивает полынья,
нависает разлуки угроза.

Творений бешеный обвал,
разрушен напряженным взором,
возможно диалог устал,
надежда погрузилась в море.
Две лодки развернули курс,
исчезли в сумраке ночном,
не слышен учащенный пульс,
мир одеял окутан сном.

Два горя с помощью стены,
при помощи неясной мысли,
на время так разделены,
что буквы в зеркалах зависли.
Подушка поглощает пот,
и мысли прячет в глубине,
застыла в ожидании плоть,
а крест мерещится в окне.

Так тихо, и не слышно слов,
что глохнет даже пустота,
надежда, как большой улов,
ползёт в закрытые врата.
Два взгляда источают крик,
а веки сдерживают слезы,
вот скоро будет встречи миг
и рифмы перейдут на прозы.
Как долго можно ожидать
и про себя готовить речи,
чтоб счастье смыслом напитать,
уткнувшись головой в предплечье.
Всю безрадостность дней и минут —
без адреса жизни своего и место,
я готов поменять на улыбку твою,
на слова о любви без протеста.

Что на свете верней,
чем любимой покорность?
Или чести важней,
твоя верность и вольность?
Вот я бегу от судьбы,
по земле, в небесах,

пусть будут всегда живы,
наши мысли в мечтах.

На чужих простынях,
без рассудка во мгле,
я пролетал в твоих снах,
возвращаясь к себе.
Каждой букве твоих откровений,
подбираю метафор каскад,
вопреки своему вдохновению,
изучаю чужой звездопад.

Часы не замедляют ход,
их путь движение по кругу,
стремятся одержимые вперёд,
должно быть, друг для друга.
Ты будешь вечно начинаться,
есть женщины, становятся родными
и если шаг твой будет оступаться,
в любви шаги не могут быть чужими.
С тобой расстаться непосильно
и ласки требовать преступно,
пусть строки слов текут обильно,
а нежность будет недоступна.
Цветы бессмертны и стихи!
Звезд кисти вечны очертания!
Мне так нужны твои шаги
и вздох груди, слов обещание.

Ясность светлая, зоркость тусклая,
чуть-чуть мутная от злых примет,
мчится ревность, глупость узкая,
с неба в небо, быстрее ракет.
Нам приятно то, что избыточно,
а провалы хуже потерь
и бороться за стимул прожиточный,
это подвиг, который в пример.

Для того ль заготовлен искусно —
интернет в пространстве пустом,
чтобы звезды видели грустных,
двух сердец стремящихся в дом.
Слышишь небо, звездного табора,
я шепчу в твой бездонный конец,
пульс наполняет кровью аорты.
Я люблю Тебя! Слово венец!

Я жизнь люблю, в неё вливаюсь
и помню с чем свидеться пришлось,

поэтому я на страницах распинаюсь
и рифмой разгоняю свою злость.
Я не помню наизусть свои творения
и не замечаю в небе много звезд,
задевают твои строчки откровения,
хочется обняться во весь рост.
Настанет час открытых площадей.
Но разве сердце испуганное мясо?
Заглохли звуки бесчисленных друзей,
мы будем вместе и дождёмся часа.
Не завершилась еще моя пора,
зовёт к тебе твой голос женский,
пусть не кончается любви игра!
Я твой, единственный, вселенский!

Да, это нас с тобою ждёт,
до грядущих времён,
полный в душе поворот
и близость наших имён.
Я вижу прекрасный конец.
Мы будем ночью и днем,
в объятиях любви и сердец,
растворяться вдвоём.

Нет места на всей карте земли,
где бы встретиться мы не смогли.
Между нами меридианы,
словно без берегов океаны.
И неба сплошной недуг,
от девственности испуг,
как от первого любви поцелуя
и недостижимого Аллилуйя.

Скажу, что я тебя люблю!
Я превращаюсь в звук эфира,
жизнь без тебя равна нулю,
как пустота неведомого мира.

4 часть. «В тюремных объятиях»

Тюрьма – без альтернатив.
Тут обостряется всё понимание.
Враг осязаем, ненависть как позитив,
становится актом всепрощения.
Формула тюрьмы ограниченность пространства,
помноженная на избыток времени
в пределах тьмы, без определения гражданства
и безысходности в её проявлении.

Армия отличается от тюрьмы.
Здесь ненавидят абстрактного врага.
В тюрьму попадают отречённые от суммы
и нарушившие строй марша «сапога».
Значима виртуальная сторона жизни.
Тюрьма это созданный ГУЛАГ,
приютивший постояльцев после катаклизма.
Недостаток пространства – единственный враг.

Как выпьешь до дна свой зелья бокал
и запомнишь цепкие цифры года,
поймёшь, что в тюремном похмелье пропал,
находясь в окружении народного сброда.
Там и узнаешь суть многих грехов,
разложившихся в замкнутом времени.
Они состоят из любви и грустных слов,
написанных на краю плоти вселенной.

Жизнь не просто длинна. Она длинней,
чем дороги, ухабы, лощины.
Срок в тюрьме, как вереница дней,
количество лет пропорционально морщинам.
Во много раз длинней вереницы той
мысли о смерти и прошлой жизни.
Хочется исчезнуть и появиться в иной,
изменившей меня, но другой отчизне.

На родине не осталось места для умных.
Вместо налога забирают свободу
и много готовят законов безумных.
Услышать бы третейского судью об этом немного.
Сумма наших взглядов о невинности
всегда меньше одного решения прокурора.
Для человека, заблудившегося в невесомости,
правда закрыта в самом тёмном углу закона.

Насилие над детьми не наказывается в меру.
Украл телефон, лишат свободы надолго.
Желаешь заработать, дойдешь до беспредела.
Дырявые, как сито законы исполняются гордо.
Основа законов напоминает пирамиду.
Лишь тот, кто на вершине недоступен,
всех остальных карает Фемида,
каждый пятый есть вероятный преступник.

Я прошёл свой путь по трущобам понятий,
за окном были облака, а на потолке извёстка,
по прямой я шёл законом прижатый,
некуда было свернуть, в сроке нет перекрёстка.
В клетке сидел, один под жестоким надзором,
словно птица, лишённая временно крыльев.
Циферблат пожелтел, не от пробы, а взора,
сжимал виски, привыкал к злу и насилию.

Выстроились очереди теней за право выжить,
непрерывна вода, вечно то, что не знаешь,
от того много сумасшедших, желающих мстить.
Я был всегда в движении без него умираешь
и в карцере, как шаман, кружа,
наматывал пустоту, как клубок,
чтобы знала моя душа,
со мной остался лишь Бог.
Тем было проще – чем безнадёжней,
когда уже ничего не ждёшь.
Молчание правды было надёжней,
иначе с ума сойдёшь
и, если от туда выйдешь достойно —
то это судьба,
чтобы в будущем жить спокойно,
начинать нужно было вчера.

Фаланги пальцев сжимали ручку,
мысли незримо двигали пером.
Делал вздох, выдыхал строчку,
сознание дырявил, словно сверлом.
Вдохновение – результат заточения,
метафор суть – переживаний полёт.
Насилие системы рождало презрение,
правосудие с правдой сводило счёт.

Дожил до момента, когда стало нельзя,
навстречу течению плыл противу.
Смотрел на всё, зрачок был в слезах,
как с водопада нырял в перспективу.

Наступил предел от беспредела,
мой разум мог вектор поменять,
ещё немного и всё бы вскипело.
Пришлось на свободу наплевать.

Обшарпан миллионами ног,
истерзал сотни тысяч душ,
изнутри похожий на гроб,
играющий судьбами Бутырский туш.
В горле от многих «ура» – изжога,
социализм разлетелся пеплом
от перестроечного поджога,
занесённого неизвестным ветром.
Убийство наивная форма смерти,
но надёжный инструмент передела,
под «ментовские» аплодисменты,
«следаки» с радостью открывали дело.
Краска стыда ушла в лампы,
судьи запутались в массе приговоров,
набили карманы и строят гримасы,
слушая фонограммы своих прокуроров.

Если что-то чернеет, то только буквы,
от суровости произнесённого срока.
После этого все зэки как куклы,
их увозят от дома далёко.
В тюрьме не прийти в себя, ты заперт на ключ,
вокруг нет земли и не видно людей.
Окно, как клетчатая занавеска из чёрных туч,
закрывает открытую волю идей.

Себя можно отличить от других
рифмой строф, уложенных в клетку.
Здесь редко встретишь глухих и слепых,
тут очередь на «дальняк» и к розетке.
Здесь слезятся глаза и не стоит болтать
про то, что подумал и про мечты.
В этом месте нельзя совсем воровать,
твои мысли видны, как следы.

Тюрьма твой щит, а камера твой приют,
здесь никто не скажет, что ты чужой.
Тебя не найдут, если за тобой не придут.
Понимаешь, наказание это покой.
Может быть, лучше двери в ничто
нет, чем место тюремной жизни.
Здесь становишься человеком никто,
потеряв память и веру в отчизну.
Неважно, на какую букву себя пошлешь,

там не снять бюстгальтер от кутюр.
Идёшь по кругу, то и в никуда придёшь,
тут не услышишь шелест купюр.
За всю свою жизнь и подумать не мог,
что буду замкнутым здесь.
Я русскими генами терпел всё дерьмо,
еврейским умом осознал этот стресс.

Так хотелось по земле ходить босиком,
не зная глубины, войти в воду,
с горки катить и лететь кувырком,
но река жизни не имеет брода.
Страшный приговор прозвучал судьи в чёрном.
Беспоощадность его и непреклонность,
выключили звук на словах «виновен...»
и выразили презрение в мою невиновность.

С губ стекали слова, продиктованные страной.
Я содрогнулся и понял, ждать помощь безнадежно.
Закрывалась глава, которая была моей судьбой.
Меня приняла тюремная жизнь, она стала возможна.
Всё, что говорил я, по сути, болтовня старика.
Может, нет толку правду в судьях искать.
В нашем возрасте судьи не сокращают срока.
Меня, как тень, было легко отыскать.

Чем меньше поверхность, тем надежда скромней,
несчастных и мёртвых не отличить от живых,
верность супруги вела счёт моих дней,
в пире согласных, где мы с ней среди них.
В лагере схоронился на срок,
как пони ходил по кругу,
пройденные метры не жалели сапог.
В тёмную даль смотрел с испугом.
Там далеко было от шума городов,
в рязанском поле среди пустых небес.
Жизнь отступала до колючих проводов,
и не было дороги, ведущей просто в лес.
Всегда ветер вырывал из спины тепло,
я просто оказался один за бортом,
как будто в сказке упал в дупло
и вдруг себя почувствовал мёртвым.

Мой гуманизм не ожидал конца века,
я стал почтовым адресом за высокой стеной,
там понял, почему человек ненавидит человека,
когда покой охраняет конвой.
В тюрьму возвратился, как голубка в ковчег.
Это чтобы в пространстве меня не теряли,

будто вернулся в другой мир на ночлег,
чтобы мне повсюду больше доверяли.

Артритным коленом опять пинал мрак,
освещённый тюремным «продолом»,
частью мозга понимал, что брак
это место под любимым подолом.
Под водой океана или образа жизни,
на одном полушарии нашего светила,
где нам с женой без укоризны,
вдруг рядом места не хватило.

Между нами – проход в камуфляже,
нагромождение железа, бетона,
образы мыслей подонков и даже
грохот мыслей и любовного стона.
Место, где я находился – тупик,
мыс, вылезший их жизни – конус.
Время прожито, перешагнув через пик,
часы беззвучно шли, сохраняя Хронос.
То, что исчезло, поделил на два,
в результате получил идею места.
Когда нет тела, важны слова,
цифры не значат ничего, кроме жеста.
Поднимал веки и видел край,
за которым нет беспредела.
Это местность, где наш с тобой Рай,
где мы недоступны с тобой, как тело.

Вот и праздник настал, с тобой
мы встретились опять с разлукой.
Я одарил тебя собой,
украсил одиночество и скуку.
Я дотронулся до твоего слуха,
эхом голоса, что изнемог.
На старика тоже бывает проруха.
Нашей жизни уже написан пролог.

Ты прочтёшь без мыслей позёрства
мои тайные рифмы, как ноты
и извлечёшь из них наше несходство.
Наши дети никогда не будут сироты.
Нам показалось, что рядом шагали века,
звуки через стекло, как любовные знаки,
незримо коснулись о руку руку,
при свете тюремном, как будто во мраке.

Там одиночество захлопнул капкан.
Была закрыта дверь и заколдован вход,

как будто был опорожнён стакан,
у решки календарь, перечеркнувший год.
Был запах чая, вонзившийся в судьбу,
от скрежета зубов запомнил звон в ушах,
грохотала тишина в пустом углу
и тьма блестела в прожекторах.
Память соскребла любовь к отчизне
и она превратилась в прах,
на задворках моей жизни,
догорая на моих костях.
Кажется, долго жил, отмеряя свой календарь,
сидел внутри, смотрел наружу.
В зеркало глядел, как на фонарь,
завидовал котам, лакавшим воду в лужах.

Решётка ничего не исправляет,
кругом проволока, неспособная взять до-диеза.
там время всеми играет,
перед лицом чугунного железа.
Утром в камере царил тот покой,
когда наяву, как во сне,
ширины было мало, но, пошевелив рукой,
словно реально прикасался к тебе.

Во снах постоянно видел зрачок конвоя,
съедал хлеб до самой корки,
издавал все звуки, кроме воя,
жить научился в стае, как волки.
В камере рано начинало темнеть,
в десять хотелось лечь,
но было естественней черстветь,
тренируя кириллицей речь.

Я не умер, знал когда час мой придёт,
мне всегда не хватало только тебя.
Пальцем возбудить пианино может любой идиот.
Я в будущем есть отражение в прошлом себя.
Жизнь была не похожа на мечты,
как оргазм не нарисовать с натуры,
так средства меняли суть красоты,
не нарушая стиль архитектуры.
Цель оправдывала любые средства.
Менялся не только порядок, но и понятия.
Жизнь листала страницы без конца,
извергая на неудачи проклятия.
Сумма дней в одном месте,
намозолила зад и бока.
Уже в газетах вышли вести,
когда я всем скажу пока.

Должен умолкнуть голос отчаяния,
узость пространства заменит простор,
исчезнет разлука в объятьях свидания,
последней строкой истечёт приговор.
Ты хотела мне писать, я знаю,
из сердца чувства отпустить.
Твои любые строчки исцеляют
в моей сверх сжатости.

Так хотелось пройтись нагим,
зажимая в кулак только фигу,
напевать государства гимн,
изображая недовольства глыбу.
Хрипя, прокричать во всю мощь:
«Господь! Сохрани нас от беспредела».
Потом медленно исчезнуть прочь,
извергая пот с обнажённого тела.

Вот так, не оборачиваясь назад,
над всей коррупцией насмехаясь,
я удалялся, показывая голый зад,
своей трагедией в душе наслаждаясь.
Когда в неволе на лице видны морщины,
они как шрамы от налетевшей чертовщины,
а облик без уголовной на то причины,
не придавал вид суровому мужчине.
С тех пор как я получил от судьбы по морде,
прошёл везде, только не был в морге.
Мыслить и жить было трудно по моде,
состояние здоровья ослабло вроде.
Постоянно слезились глаза от боли,
оттого, что не видели света на воле.
Я был прикован в партере, или в ложе, то ли,
мои тюремные затянулись гастроли.

Мне не надо было прикрываться маской
и всех вгонять в стыдливую краску.
Тех, кто грешил, дернуть нервной встряской,
чтобы исчезал узелок беды развязкой.
Я вернулся. Грянул гром.
Ведь я здесь кому-то нужен.
Где мой будет дом родной?
Где теперь накроют ужин?

Кто нальёт бокал вина?
Ко всему привыкну понемногу.
В том, что было моя вина.
Спасибо жив и Слава Богу!

Меня трижды отдавали под суд,
каждый раз фабриковали дело.
Сумма моих страданий абсурд.
Правосудие использовало меня, как тело.

Лучше, если жизнь вне решёток
изучена тем, кто внутри измучен.
Промежуток жизни очень кроток,
а мир, сжатый бетоном, нелепо скучен.
Когда я вышел из тюремных ворот
к своему верному другу пространству,
известно стало, что время взятки не берёт,
а в тюрьмах не сидят за казнокрадство.
Последнее время жил, как в саванне лев,
никогда не думал о грядущем благе,
я пережил этот дикий блеф.
Жизнь превратилась в клочок бумаги.
Жизнь недлинна, чтобы откладывать
самое худшее в долгий ящик.
Научиться бы в будущее заглядывать,
из меня получился бы хороший рассказчик.

Не хватал я звёзд с небосвода,
из-под меня украли местность,
просто забрали мою свободу,
но появилась моя словесность.
Она в мозгах моих для блага,
живёт не без приюта.
Пишет, рука, белеет бумага,
летит минута.

Одна тысяча, или две тысячи —
от родного крова.
Тысяча означает, что я был вдали,
между семьёй и мной — только слово.
Я вернулся на место изгнания,
где ходил по лезвию, как по канату,
не заметив чужого внимания
и не не требуя за всё доплату.

Развалины — тоже чья-то архитектура.
По тюрьмам склоняли, как по всем падежам,
сделав из меня аббревиатуру.
Жизнь моя затрещала по швам.
Мы — молекулы тюрем.
Срок прожить, как перейти поле.
Сильней смысла закурим —
сигарета на воле.

5 часть. «В трущобах иммиграции»

Почему молчат наши Боги?
Зачем страдать, зачем рожать?
Нам неоткуда ожидать подмоги.
Остаётся только за море бежать?
У кого не осталось чести,
Родину меняют на чужбину,
исчезая там с семьями вместе,
туда, где смотрят в лицо, как в спину.

Им кажется, что за морем их дом,
где всем, всегда не очень то рады.
Они отчизну не полюбили за то,
что в ней не нашли своей правды.
Всю их Родину чиновники захватили,
с олигархами выжимают все соки,
а народ страдает от любви и боли,
извлекая из судьбы уроки.

Когда дом покинешь, прожектор включи.
Пусть освещает вослед, на прощание,
как лунная дорожка в кромешной ночи,
лишь до рассвета твоё расставание.
Под утро взглядом верни сожаление.
Про всё не думай, иди на восток.
Пусть запад поймёт пустоту исчезновения,
крупницы вчера, шепотки сегодня и завтра кусок.

Чуда не будет, оно не свершится
и если останешься ты одинок,
что случилось, не повторится,
это судьба преподносит урок.
Тому тяжело, кто помнит всё,
оказавшись под колесами времени,
страна забыла правду о тех,
кто потерялся лишь временно.

Самое вечное – жизнь после нас.
Время жизни не переходит границу смерти.
Жить на свободе, как судьбы абзац,
возвращает нас к мирской круговерти.
Стихи превращают человека в бумагу,
чернила – намного честнее крови.
Кровь не превратится со временем в брагу,
я стал писать стихи поневоле.

Лицо без слов выражает всеобщее благо,
юмор блудит в коридорах жизни,
мы смеёмся, как скомканная бумага,
ожидая эффектов от катаклизмов.
На родине не осталось места для возврата,
здесь даже тень не найдёт свой угол,
скоро детей попрошу вернуться обратно,
на языке человека, который убыл.

Любое пространство, где нас нет,
приходит со временем в ветхость.
Мы в империи оставили след,
размеры его ощущает поверхность.
Время бесконечно, пространство суть —
время в сущности есть мысль о сути.
Жизнь протекает, и не свернуть,
вечность наступает, где нет пути.

Лишь мгновение под давлением «же»,
мы проживём в хаосе на свалке лет.
Не успеешь сказать «люблю», и уже
тебя в последний путь кладут на лафет.
На всём пути нас сопровождала трезвость.
Мысли – есть залог всех скитаний,
если никто не наведёт взгляд на резкость,
то наступит предел испытаний.
Хочется сказать необычно, величаво,
возводя произнесённое в куб,
написать мысли, которые архаично
срываются без остановки с моих губ.
Мы сохраним на будущие времена
свои мысли и радостные лица,
когда нас впустит обратно страна
и откроет без визы границу.

Из холодной державы я вынул тело,
успел обернуться назад,
уверенно для себя и умело,
всё-таки запомнил фасад,
всех очертаний родины
и своего захолустья,
мне стало грустно вроде бы.
река всегда вытекает из устья.

Вот свет стремится во тьму
и если жизнь уже испорчена,
то только потому,
что она расчленена.

Я в пространстве своём захлопнул засов,
хотя я не призрак и не вымысел сна,
покинул державу дремучих лесов,
свой адрес изменил, когда наступила весна.

Моя судьба устремилась в старость пешком.
Я свой век доживу там, где короче верста,
где настоящее пролетит кувырком.
Я уверен, там для меня существуют места.
Лишь только земля
в состоянии твой образ жизни понять,
она имеет облик нуля,
может приютить и без эмоций обнять.
Новые очертания и климат иной,
изменили мое сознание,
восхищаться той стороной,
где смысл жизни лишь выживание.
Самое постоянное при взгляде наверх
луна, похожая на лысину —
еврея, произносящего «эр»,
как дребезжащую струну.

Я не распространяю мысли о быте,
просто долго находился в затмении,
в умопомрачении, на другой орбите,
где наблюдал замедление времени.
После того, как число оставил в уме,
империя поделила меня на нуль,
я подумал, что меня не увидеть извне
и затаился, как дорожный патруль.

Глухая родина никогда на ослепнет,
её взгляды, как евклидовы параллели,
оттого наша любовь необратимо меркнет,
не пересекаясь в точке наших целей.
Всё чаще ночами хранил бессонницу,
в молодости время прожигал, как сигарету,
постоянно слышал, как удалялась конница,
поэтому день хотел растянуть до рассвета.

Постоянно седлал своего коня,
плёткой хлестал его вскачь,
гоню без остановки до заката дня,
чтоб не слышать детский плач.
За несколько часов можно облететь меридиан.
На прожитую жизнь не смотрю превратно,
она неизбежно истекает во временной океан,
только мгновение доступно и понятно.
Там, где ветер бризом обжигает фас,

а гром рокошет набатом,
слёзы дождём кропят из глаз,
другая Родина встречает Шаббатом.
Город на высоком берегу,
который обнимает водяную гладь.
Дочь моря название ему
дали, чтобы юность оправдать.

Дедушка по имени Яффа
за левую руку держит Бат-Ям.
Ему знакома пятая графа
и посошок репатрианта во сто грамм.
Подарила обетованная земля
надёжный фундамент свободы.
Расправил крылья от небытия
бродяга переживший невзгоды.

Здесь кровь перемешалась
союзной группы прошлых лет,
а русский ген, упорно повторяясь,
изменил слегка менталитет.
Тут в местной церкви наши свечи
уже не копят из воска.
Шалом звучит при каждой встрече,
а с потолка не сыпется извёстка.

Там дороги все ведут к пескам в пустыне,
земля даёт там два урожая в год
и нет совсем евреев в Палестине,
зато «Хаву нагилу» весь народ поёт.
На флагах нет средств производства,
ворчать на все свои законы,
считают тут манерой «жлобства»
и здесь не целуют иконы.
Вот когда Шаббатные свечи,
освещают всем идущим дорогу,
тогда на иврите и русской речью
безмолвно произносят «Слава Богу».
И в каждом звуке предков языка,
я не нашёл к себе презрения.
Здесь безопасно жить наверняка
под флагом треугольного сплочения.

Там, где пальмы и надо жить,
тут климат – комфортный, изящный.
Ещё нужно за это платить,
чтоб будущее соединить с настоящим.
Здесь мой язык не будет иностранным,
а я – птица, могу вернуться обратно.

Я градусник с отметкой 36,6 постоянно,
где времена года меняются многократно.

Почти всегда, возвращаясь оттуда,
так хочется удрать, напевая романсы,
туда, где погода охраняет простуду,
в те места, где живут итальянцы.
Хочу исчезнуть на просторах Европы,
в Париже, где жизнь длится века,
увезти себя из российской «жопы»
туда, где нас нет наверняка.

Мы проживаем далеко не там,
где родились, и волей судьбы
читаем библию, а слышим Коран,
и мечтаем видеть, как растут дубы.
Здесь никогда не растопят печь
и в колумбарии не пометят место.
В земле, в которую придётся лечь,
русской душе будет очень тесно.
Прощайте, трущобы времени.
Пока, пока, утраченная любовь.
Пора возвращаться на Родину
к ласкам любимой и вновь
туда, где сосны и ели,
где грязь, мороз и снег,
к тому, кем я был и есть ли,
к тем дням, за которыми век.

Вот я, вернулся из иммигрантского плена,
перед храмом встал на колено,
в церкви имени Иоанна Богослова
там помолился и молвил слово.
Зарю увидел с востока и закат не на море,
шёл босиком по росе к стогу сена в поле.
Дома, так пахнет солома, и у реки нет конца,
ширь и даль, кругом родные сердца.

Обнял сыновей и внука держал,
пил кагор, а голос дрожал.
Зашёл в музей, прошёл по Тверской,
посетил Ленком и, конечно, Большой.
Вокруг люди русские – их мрачные лица,
но как ты прекрасна, родная столица!
Проехал на трамвае, спустился в метро,
только здесь я понял одно,
что самое важное в своей жизни,
это жить и умереть на земле отчизны.

Столько лет по осколкам судьбы, я бежал пустырями,
под сиянием небес испарялась жизнь и клубилась.
Сколько раз возвращался и опять прощался с друзьями,
неужели здесь без меня, что-то вдруг изменилось.
Здесь всё так же царит, безупречный, всемогущий,
Он решает отчизны судьбу, но во всём в одиночку.
Над отчизной уже не краснеет флаг бело-синий,
а в глазах у людей мельтешат фонари по цветочку.

Будто нету разлук и мы зря просили прощенья,
невозможно отстать, обгонять, лишь это возможно.
Для своих и чужих нет условий для возвращения,
остается одно: по земле бродить безтревожно.
Поздравляю себя с удивительной, горькой судьбой,
с этой вечной весной и безоблачным небом.
На родном языке можешь ты говорить сам с собой,
а в безмолвной толпе возглас твой остаётся неведом.

Там ты вечно чужой и тебе, увы не доверяют,
легко от того, что тут я ни с кем не расстался.
Никого не узнал, ты бредёшь и тебя обгоняют.
Навсегда на этой земле без отчизны остался.
Не жилец этих мест, а какой-то посредник,
видимо не рассчитал, ошибся, забыл, обманулся.
Совершенно один, я кричу о себе напоследок:
Хочу обратно домой! Это значит, ещё не вернулся.

Я брёл со свечей в ту черную тьму,
где дорога плутала и расширялась,
в которой ещё никогда и никому,
повстречаться в любви не случалось.
И все-таки эта дорога домой,
оказалась не слишком долгой,
степи, холмы, бор сосновый,
встречали тишиной безмолвной.

Мои глаза, пронизывали тьму,
предполагая постигнуть эту даль,
куда пришлось загнать судьбу,
где речь не слышно и утрат не жаль.
Здесь горизонт совсем не виден,
отсутствует пространства суть,
конец всему доступен, очевиден,
туда уже идут в последний путь.

Но был еще сознания миг,
о чем вся жизнь прошла.
Зачем прожил, чего достиг,
мечтам настал аншлаг.

Я никому вреда не причинил,
сам шёл своей дорогой,
любил, творил и просто жил
в объятиях жизни строгой.

Я помню мамы предсмертный вздох
и взгляд отца последний,
меж нами существует только Бог
и я ЕГО веры наследник.
Мелькнули свалки всяких вещей,
квартир, машин и домов,
лица знакомых и близких друзей,
отрывки из разных снов.

Промчались мимо последние годы,
книги, страницы, обрывки стихов,
гул застенок и запах свободы,
смысл неписанных и несказанных слов.
Без толчеи, всё поглотила память,
прошедшее исчезло в настоящем,
догорало моей жизни пламя,
сказуемое ползло за подлежащим.
Свеча потухла, открылось око,
заполнил свет всю пустоту,
вокруг нет ничего, лишь одиноко,
летала мысль, что я ещё живу.
Вот день, расставшийся со мной,
иду туда, откуда не вернуться,
мне попрощаться со своей страной,
пришлось лишь мельком. Оглянуться!

Шум листвы берез, рой комаров,
когда еще меня побеспокоят?
И мат отборный русских слов,
не огорчит уже меня и не догонит.
Суть отражения разлуки ее примет,
пусть даже через чью-то призму,
вокруг любой не значимый предмет
свидетель нашей трудной жизни.

Среди народной суеты и шума,
на станциях, вокзалах и портах,
жизнь течет достаточно угрюмо,
часы и дни теряются в годах.
И не припомнить всего, что было
тянулась пассажирская ходьба,
меня ласкала, медленно сверлила,
да издевалась на всём пути судьба.

Но только брёл я дальше и всё дальше,
мимо проносился шум железа и листвы,
а мысли ныли, казались мне уставшими,
судьба перешагнула за предел черты.
Право дышать и открывать все двери,
по европейским шляться переулком,
я разменял на все свои потери,
разложенных по тамошним шкатулкам.
Куда деваться? На запад, на восток?
Меня в бой ведут понятные слова,
за жизнь семьи, за воздуха глоток,
за это неустанно радеет голова.
Нырнул я в немеющее время,
где око вездесущего пера,
снимает все мои сомнения
и жизни продолжается игра.

Тут не нужны ни отпечатки пальцев,
ни штамп прописки на точку места,
здесь рядом белки, зайцы, иностранцы
и все в объятиях благородства немцев.
Не отыскать мне горизонт на вертикали,
я вдалеке и плохо вижу впереди,
зато я замечаю дно в своем бокале
и волосы седые на груди.

Чего тускнеет календарь судьбы,
листочки сыплются, как осень.
Со временем оспорю суть беды,
оно в конце тебя не спросит.
Останутся полиграфические слепки,
ирония исчезнет вместе с прахом,
мы просто в жизни марионетки,
по сторонам глядим со страхом.

Я, как поэт смогу наверняка,
свое кукареку с надрывом в атмосфере,
во всю гортань скорпиона, петуха,
оставить на страницах в полной мере.
Вдруг, случится и строки долетят,
до каждого, кто хочет стукнуть,
по всей системе паутин, преград,
что нам мешают и не дают мяукнуть.
Плевать на даты и часы,
жизнь книгой подытожить, чудо!
Судьба меняет цвет полосы
и нас преследует обычная простуда.
Уже достаточно, на чем печать
моих тревожных, мудрых мнений,

привыкших злобно отмечать,
порывы муз прикосновений.

В просторах вечерней пустоты
почтительная тишь и благодать,
уверен я, проснешься ты,
моя семейная кровать.
Уже решилась бесспорно,
грядущая судьба моих дней,
я пью пиво вольготно,
в плену европейских огней.

Мне близко немецкое сознание,
здесь легко и приятно дышать,
безоблачное очарование,
отсюда было не разумно бежать.
Вот единственное, что я знаю,
что и мне суждено умереть
и я торопясь постигаю,
все то, что не успел поиметь.

Так хочется оставить в наследство
своим детям начертанный дар
и немного реального средства,
да гудок веселых фанфар.
Еще надо успеть слово в слово,
разум Рильке, Гете и Гейне,
разложить по строфам и снова,
дать на русском великое семя.
В безумных встречах и спорах,
пронеслась скоротечная жизнь
и останется невидимый шорох,
написанных мною страниц.
Я парус медленный, без ветра обречен,
споткнуться перед долгой ложью,
иль взмыть упруго под небосклон
и облаком свой путь продолжить.

Железной ненавистью забита голова,
свои обязанности выполнить я должен,
пусть выдохнул я все свои права,
мне ангел всё решить поможет.
Ключей от бед, никто не изготовит,
судьба, как и вода разноречива,
жестока и сладка, и постоянно колит,
сто раз на дню, себе на диво.

Промчатся годы на затворах поселений,
мгновения счастья становятся короче,

я в горсть зажал остаток наслаждений
и выживаю из последней мочи.
Однако, когда вам станет больно, знайте,
вы не обмануты ни телом, ни душой.
Страсть есть лекарство от скуки, дерзайте!
Тоска это не обман, а земной покой.

Это – чувство бессмысленности лет,
иммигрантского существования.
В нём гнобит телевидение и интернет —
они избыточность во плоти и сознания.
Не получилось швырнуть в этот мрак
свою душу, раскрыть свои объятия,
обнимать скуку, надев её колпак,
который шире моего понятия.
Верил своей боли, находясь в эфире,
в ужасных интернет объятиях, как грех,
Понял, что нет объятий в этом мире,
которые не разомкнутся вовек.
Я путешествовал в одном направлении,
в поезде судьбы и каждая остановка,
становилась фоткой прошлого мгновения,
оставляя неопределенную концовку.

Мой голос на кончике строки,
под рифму своего непостоянства,
всему, что было и будет, вопреки
отыскал точку моего пространства.

6 часть. «Жизнь – праздник души»

Жизнь есть смертельная болезнь,
а мы половым путём её передаём.
Судьба это повседневный стресс,
его мы на своих плечах несём.
Наша биография это память о прошлом,
будущее наступит, когда нас не будет,
сегодня закончится непременно ночью
и так всё время, пока смерть не наступит.

Надо научиться по-другому жить,
подобно текучей воде,
без признаков жизни быть,
подобно пещере в горе.
Попробую предстать в облике птиц,
улететь на безжизненный архипелаг,
где нет государственных границ
и где ещё не построен ГУЛАГ.

Замрём, как подземный город,
по которому дни скользят как капли,
где живёт тишина и холод,
а года и века превращаются в камни.
Нам свойственно всем воскрешение
из того, что не горит в огне
и на крыльях любви возвращение
из бытия в небытие.

Жизнь проходит хаотичными движениями,
изменяющие рисунок мгновения.
Кругом серая масса в пестром делении
движется со скоростью зрения.
Смотрю в пространство,
вижу одинаковое убранство,
люди рождаются, проникая друг в друга,
пытаясь осмыслить квадратуру круга.

Всем жизнь даётся в кредит, как потуга.
Жизнь вокруг и есть главная субстанция мысли,
но жить просто так бесплатная услуга,
лишь мысль о жизни делает нас независимыми,
как человека от окружающей среды.
Волны врезаются в песок морским прибоем,
вокруг ничего нет безупречней воды.
Шум воды звучит бесконечным покоем.

Музыка вечной воды заполняет простор,
в нём человек без здравого рассудка,
вершит свой ограниченный взор
и выжимает из него всё, как губка.
Человечество калечит суть бытия начало,
создавая мир без смысла простоты.
Природа терпит повсюду скрежет металла
и грохот денежных купюр, и суеты.
Утопающий в человеческих отходах град,
задыхается от длительного прозябания.
Время фиксирует, кто стар и кто млад,
на городском кладбище музеем опознания.
Вокруг все заливают хмельной водой
свой жалкий разум
и только душевнобольной,
смотрит на всё равнодушным глазом.

Кругом торчат купола церквей,
похожие на чайные сервизы,
растущие, как грибы после дождей
и выдающие в Рай платные визы.
Тела в серых пальто обживают подъезды,
измеряют счастье в квадратных метрах.
Кучка элиты играет в свои съезды,
выстраивая благополучие в бронежилетах.

Один человек карабкался наверх по трапу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.